

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
КОНЦЕПТА «МУҲЭББЭТ» («ЛЮБОВЬ»)
В УЙГУРСКИХ ТЕКСТАХ Э.Р. ТЕНИШЕВА:
УСТОЙЧИВЫЕ КОНСТРУКЦИИ
И МЕЖСТИЛЕВАЯ КОНТАМИНАЦИЯ**

С.Н. Абдуллаев

г. Каракол

Резюме: В статье рассматриваются синтаксические особенности фольклорных текстов на материале уйгурских диалектов, записанных и опубликованных Э.Р. Тенишевым. Они интерпретируются в качестве одного из способов выражения концепта «*муҲэббэт*» («любовь»). Выявлены случаи своеобразия синтаксических конструкций по сравнению с литературным языком. Отмечается релевантность типизированных текстовых фрагментов в контексте контаминации диалектных особенностей с письменным литературным языком.

Ключевые слова: Э.Р. Тенишев, уйгурские диалекты, фольклорные тексты, концепт, синтаксический, контаминация стилей.

Языковые средства репрезентации фольклорной действительности традиционно привлекали внимание таких известных тюркологов, как В.В. Радлов, С.Е. Малов, Э.Р. Тенишев и др. В фольклорно-языковой картине мира по-своему отражается целостный образ действительности. Своеобразие концептуализации элементов окружающей действительности и специфика их вербального выражения во многом обусловлены комплексом характеристик фольклорных текстов. Такая специфика обнаруживается не только в лексике, но и в грамматических конструкциях [Абдуллаев 1990: 26–32].

Материал, цели и методы исследования

Материалом исследования для статьи послужили фольклорные прозаические и поэтические тексты, собранные Э.Р. Тенишевым и опубликованные им в книге «Уйгурские тексты» [Тенишев 1984]. Целью настоящей статьи является описание синтаксических особенностей «Уйгурских текстов» Э.Р. Тенишева. Основными методами являются описание диалектных синтаксических особенностей и сопоставление их с литературным языком.

Абдуллаев Сайфулла Нурмухамедович – доктор филологических наук, профессор, глава научно-образовательного этнокультурного центра «Ренессанс» Иссык-Кульского государственного университета, e-mail: sayfulla.abdullayev@list.ru.

Вводные замечания

Мы обратились к синтаксису и его особенностям как к способу вербализации концепта «*муһаббэт*» («любовь»). Данный концепт является одним из наиболее часто представленных в уйгурском фольклоре [Бокиев 1978: 163], как, впрочем, и в других тюркских языках [Сибгаева 2009: 3]. Кроме того, именно при обращении к данному концепту обнаруживаются типизированные синтаксические структуры в фольклорном тексте, скрывающие в себе один из ключей к решению проблемы контаминации диалектной речи и книжно-литературного языка, которую обозначил Э.Р. Тенишев [Тенишев 1984: 5]. В качестве гипотезы мы обратились к предположению, что необходимость выражения концепта «*муһаббэт*» («любовь») вызвали к жизни в уйгурском фольклоре устойчивые текстовые блоки, передающие образность мышления. Их формирование сопровождалось отдалением от диалектных синтаксических особенностей и сближением с нормами литературного языка.

Как считают отдельные авторы, фольклорная картина мира, как разновидность общей картины мира, представляет собой трансформированный мир действительности. Она создавалась в результате семантической перекодировки нефольклорного материала (мифологического и этнографического) через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики [Путилов 1994; Черванева 2003].

Обращаясь к фольклорной картине мира, в первом приближении важно выделить две стороны: 1) связь с ментальностью, отражение культурных и психических особенностей этноса, стереотипы сознания, имеющие истоки в мифологии (культурно-исторический аспект); 2) связь с языком (языковая фольклорная картина мира) [Елизарова 2010: 52]. По мнению Г.С. Елизаровой, отличительными свойствами фольклорной картины мира среди исследователей считаются: 1. Вариативность, мотивирующаяся разной степенью прагматических намерений создателей жанров и их последователей, разной степенью условности в отражении действительности. Основу ее формирует ряд базовых концептов, также варьирующихся по жанрам. 2. Уникальность. В языке фольклора формируется своеобразный фрагмент, который мотивируется наибольшей степенью условности отражаемой действительности. Как показывает анализ, высокой степенью условности в отражении действительности обладают сказки. 3. Избирательность отражаемой информации, обусловленная ценностной неоднородностью реалий окружающего мира в сознании этноса. [Елизарова 2010: 53–54]. Фольклорная картина мира добавляет к реальной, объективно существующей картине мира специфическую коннотацию, отражающую менталитет и своеобразие национальной культуры. Основными жанрами фольклора являются пословицы, поговорки, песни, загадки, сказки [Елизарова 2010: 54].

XX век можно считать периодом активного изучения диалектов уйгурского языка. Особенностью таких исследований является запись, обработка и публикация текстов, являющихся образцами уйгурской фольклорной речи. Здесь можно вспомнить записи Г. Ярринга, С.Е. Малова и других исследователей, отличающиеся лингвистической ценностью и значимостью.

Фольклорные тексты дают возможность почувствовать образность ментальности этноса. Ср. в турецком пословицу об удачливом человеке: *Şanslı adamı Nil*

nehri'ne atsa, ağızında bir balıkla çıkacak 'Забрось удачливого человека в реку Нил, и он выскочит с рыбой во рту'. Очевидно, что на примере приведенной поговорки можно говорить о репрезентации концепта «*şans*» («удача»).

Под концептами мы понимаем ментальные единицы, содержащие ценностные знания об экстралингвистических явлениях, релевантных с точки зрения этнической культуры. Это этноспецифические понятия. Концепты отражают устоявшиеся знания этноязыкового коллектива и традиционные коллективные установки социума.

Основная часть

Ценный фольклорный материал, собранный и опубликованный Э.Р. Тенишевым, содержит вербализацию таких базовых концептов, как «*Xuda/Alła*» («Бог»), «*иман*» («вера»), «*той*» («свадьба»), «*муһаббат*» («любовь»). Репрезентацию и варьирование указанных концептов можно проследить, обращаясь к жанрам прозы (рассказы, сказки) и поэзии (песни, стихи, поэмы). В обобщенном виде после знакомства с «Уйгурскими текстами» и их концептуальной интерпретацией можно увидеть своеобразные воззрения на мир с определенными ценностями, программой «шестивия человека по жизненному пути», красочными образами поэзии. В уйгурской лингвокультуре ключевые концепты несут на себе гипермодальную нагрузку, которая служит индикатором художественности в тексте [Абдуллаев 2020: 69]. В этом можно усмотреть еще одну из причин феномена смещения диалектной и книжно-литературной речи.

На протяжении пяти месяцев упорной полевой работы Э.Р. Тенишевым был собран значительный материал, который лег в основу книги по фольклорным текстам. В «Уйгурских текстах» нашли свое отражение все три основных диалекта уйгурского языка, которые выделялись диалектологами, проводившими исследования в прошлом столетии [Строй 1989: 34–35]. Представлены почти все многочисленные говоры и наречия центрального (северо-западного) диалекта.

Тексты в книге Э.Р. Тенишева систематизируются в зависимости от тех населенных пунктов, в которых проводилась запись материалов. В результате разделы книги представлены отдельными топонимами: Турфан, Караходжа, Кучар, Аксу (старый город), Маралвеша, Аксу (новый город), Кашгар, Яркент (старый город), Гума, Хотан, Лоб, Черия, Керия, Лобнор. Каждый раздел включает тексты, которые относятся к различным жанрам прозы и поэзии.

Жанр поэзии преимущественно представлен текстами песен. Песня выступает по отношению к уйгурам своеобразным способом настройки процесса их мировосприятия: в этом нашла свое отражение певчая душа уйгурского народа. В языковом плане интересно варьирование текстов одних и тех же песен. Фольклорные устоявшиеся песенные тексты выступают в роли инвариантных: разные песни с разной мелодией в принципе используют одни и те же тексты, с различными вариантами. Это может быть замена конкретных слов или образов при использовании приема параллелизма строк.

Часто наблюдается употребление стандартизированного фрагмента текстов песен в различных песнях. Например, *Akhsham ichkän sing chayning Ämdi chiqti khumari* 'Только что утолилась жажда чая, выпитого вчера'. По нашему мнению,

такие типизированные фрагменты образно вербализуют определенные базовые концепты. Так, приведенный фрагмент содержит ключевое слово *хумар* ‘сильное желание, страсть’ [Наджип 1968: 429]. Сам фрагмент употребляется в поэтических текстах для экспликации концепта «муһаббэт» («любовь»), включающего в себя образ сильного неугасимого чувства. Данные строки допускают лексико-семантическое варьирование, при котором, в частности, замещается позиция глагола-сказуемого: происходит замена глагола движения от исходного объекта *чиқмақ* ‘выходить’ глаголом движения по направлению к определенному объекту *кәлмәк* ‘приходить’: *Akhsham ichkän sing chayning Ämdi kälди khumari* ‘Только что ощутилась жажда чая, выпитого вчера’. Нарисованная картина выглядит так, что чай выпивается вчера, а желание пить только-только уходит, утоляется (*чиқмақ*) или только-только начинает ощущаться, приходить (*кәлмәк*). На наш взгляд, существенным здесь является неизменность лингвокультурной образной составляющей концепта, несмотря на то, что применяется замена глаголом прямо противоположного направления действия-движения. Однако вследствие метафоричности текста образ сильного чувства сохраняется без изменений. Эта закономерность позволяет увеличивать частотность употребления данного и подобных ему многочисленных фрагментов в разных текстах как типизированных фольклорных фрагментов. В этом мы видим еще одну из причин того любопытного смещения «элементов книжно-письменного языка с диалектной речью» в уйгурских фольклорных текстах, которым заинтересовался Э.Р. Тенишев [Тенишев 1984: 5]. Такую закономерность можно проследить и в отточенных и отшлифованных текстах, которые используются в известных «Двенадцати мукамах» [Абдуллаева 2015: 74]. Кроме того, в качестве причины феномена стилевой контаминации можно указать на преемственную связь между фольклорными текстами и литературными памятниками [Abdullaev 2020: 14].

В стихотворных фольклорных текстах, как уже было отмечено нами раньше, особенно активно вербализуется концепт «муһаббэт» («любовь»), что подтверждается и материалами С.Е. Малова по кумульскому диалекту:

<i>Јар боса, түзүк боса</i>	‘О, если бы была милая, была бы с тонкой талией,
<i>Беш қолда үзүк боса.</i>	На пяти пальцах были бы (у нее) кольца.
<i>Бер қарап күлүп қоса,</i>	О, если бы смотрела она и улыбалась,
<i>Беш күнлүк узук (< озук) боса!</i>	И (у нас) пищи было бы на пять дней!’

[Малов 1954: 39]

Этот образец использования стилистической фигуры синтаксического параллелизма конструкций желания в приведенном фрагменте поэтической речи встречается и в турфанском говоре центрального диалекта:

<i>Јар боса, түзүк боса</i>	‘О, если бы была (у меня) любимая и верная!
<i>Беш қолда үзүк боса.</i>	И – о, если бы были у нее кольца на пяти пальцах!
<i>Шу јарны бер сөјсә,</i>	О, если бы (по)целовать такую подругу,
<i>Беш күнлүк (< күнлүк) узук</i>	И был бы провиант на пять дней!’

боса! [Малов 1961: 88]

В прозаических текстах, опубликованных Э.Р. Тенишевым, часто затрагиваются такие темы, как история и краеведение, религия и культура. Встречаются

тексты и собственно лингвистической тематики, в которых сопоставляются глагольные формы говоров и литературного языка. На наш взгляд, допустимо говорить о своеобразной шкале, отражающей степень условности в отражении действительности и типизированности. Высокая степень типизированности характерна для пословиц [Jarring 1975: 30]. С нашей точки зрения, возможно предположить, что типизированные фольклорные фрагменты, аналогичные рассматриваемым нами, служат основой для языковых конструкций, которые затем переходят в разряд пословиц. Со стороны условности как способа художественной образности крайние позиции на такой шкале занимают рассказ и сказка.

Когда речь идет о диалектной прозаической речи, можно указать специфические моменты в области синтаксиса. Так, например, в лобнорском диалекте отмечена парадоксальная с точки зрения закономерностей литературного языка инфинитная форма зависимого сказуемого в полипредикативных структурах, представляющая собой сочетание деепричастия на *-май* (как и в других тюркских языках, в лобнорском диалекте это отрицательная форма деепричастия на *-п*) [Алиева 2013: 117] с грамматикализовавшейся единицей темпоральной семантики *чақта/чахта*: *Biz toyulmaj çaqta bu laqam qoşulğan* ‘Эти лакамы появились, когда мы еще не родились’ [Тенишев 1984: 119]. В литературном языке таким формам соответствуют аналитико-синтетические сочетания отрицательной формы причастия прошедшего времени на *-ган* и лексемы *чагда* вместе с частицей *техи* ‘еще’: *Қар техи яғмиған чагда, деханлар йезига қайтип келишти* [Жамалдинов 1986: 183] ‘Когда еще не выпал снег, земледельцы вернулись в село’. Это вариант-реализация отдельной модели сложноподчиненных предложений аналитико-синтетического типа с семантикой времени. Ср.: *Доклад башланган чагда, у биринчи қатарда олтиратти* ‘Когда начался доклад, он сидел в первом ряду’ [Назирки 1966: 403]. Сочетание аффикса причастия на *-ган* и лексемы *чагда* является конструктивно ведущим компонентом, формирующим сложноподчиненные предложения времени с семантикой одновременности. Активное использование инфинитной формы на *-ган чагда* отмечено в текстах желтых уйгуров, записанных С.Е. Маловым: *Мындан пырынго чагда, уруг пытылген чагда, Сижо-Кажыда чагланган түгете, угур пунелгенден соң, алты азақтыг чочаны агылга үндүргек тро* ‘В прежнее время – в то время, когда завершилось сватовство (букв. родство), когда расселялись в Сиджо-Хаджо, после завершения родства шестиниговая вешалка выставляется на дворе’ [Малов 1967: 41]. Корреляция отрицательной формы причастия прошедшего времени на *-ган* в литературном языке и деепричастной формы на *-май* в лобнорском диалекте наводит на мысль о семантическом параллелизме с причастием еще не совершившегося действия на *-а элек/-галак/-гелек*, представленным только в киргизском и сибирско-тюркских языках, но не отмечающемся в других тюркских языках, в том числе и современном уйгурском языке [Абдуллаев 1982: 97].

В сфере полипредикативного синтаксиса отмечены и другие интересные конструкции. В современном уйгурском литературном языке в сложноподчиненных предложениях времени с семантикой следования события главной предикативной единицы за событием зависимой предикативной единицы используются инфинитная форма зависимого предиката, в составе которой послелог *кейин* сочетается с причастием прошедшего времени на *-ган* в форме исходного падежа.

Например: *Биз қуруқ чай ичкәндин кейин, һәдәм йолга раван болди* [Строй 1989: 411] ‘После того как мы попили чай, моя сестра отправилась в путь’. В «Уйгурских текстах» встречается инфинитная форма зависимого сказуемого, в которой причастие на *-ган* сочетается с послелогом *кейин* в форме не аблатива, а генитива: *Kelsä palaŋ mäzzümün oŷul tuydō, palaŋ mäzzümün qiz tuydō digännin kejin ätni çapadikän* ‘Когда вернулись и после того как сказали, что жена одного родила сына, а жена другого родила дочь, пустили коней вскачь’ [Тенишев 1984: 127].

В кашгарском говоре среди инфинитных глагольных форм можно заметить употребление деепричастной формы на *-гили* с семантикой предпочтения вместо формы на *-гичә* в литературном языке: *Namärt jolväs vöyili märt saçqan vol!* ‘Чем быть трусливым тигром, будь храброй мышью!’ [Тенишев 1984: 59].

Многие прозаические тексты содержат толкование этимологии конкретных топонимов, а также передают любопытное краеведческое содержание. В качестве примера можно указать на текст под заголовком «Рассказ о прошлом» и текст «История долан» [Тенишев 1984: 30–31]. Это представляется интересным, так как существует мнение, согласно которому ареал Восточного Туркестана, где записаны «Уйгурские тексты», интерпретируется в качестве транзитной зоны, в которой подвергались предварительной «обкатке» топонимы тюрко-монгольского происхождения в процессе их продвижения в сторону Средней Азии [Акматав 2019: 956].

Среди записанных текстов точно передает специфику детского фольклора следующий текст считалочки:

*Taqqa tuqqi
zänjir, halqa.*

*Qaraqoj nededo? Baydido –
Bayni baxsam, baydi joq,
tayni baxsam, taydi joq.
Orülüp-çörülüp, sän turup,
sän çiq!*

‘Такка, тукки,

Цепь, кольцо.

Черный баран где? В саду.

В сад заглянула, в саду нет.

В горы заглянула. В горах нет.

Вертись-вращаясь, ты – стоп,

Ты выходи!’

[Тенишев 1984: 46–47]

Говоря о специфике детского фольклора, мы в данном случае имеем в виду, что со стороны синтаксического оформления и лексического наполнения эта считалочка может также считаться примером типизированности фрагментов фольклора. Точно в таком виде она встречается в языке уйгуров Кыргызстана и Казахстана.

В поэтических текстах, записанных и подготовленных к публикации Э.Р. Тенишевым, часто встречается устойчивая типовая синтаксическая структура, которая оказывается построенной по схеме **Бу N1 ⇔ Adj N1**. Она выполняет роль своеобразного зачина в стихотворных фольклорных текстах. В ее структуре отмечается тавтология имени существительного. Синтаксическая позиция (**N1**) заполняется дважды. При этом в первом случае перед именем ставится указательное местоимение *бу* ‘этот’, а во втором случае – обязательное определение (**Adj**): *Bu taylar eyiz taylar* ‘Эти горы высокие горы’. В «Уйгурских текстах» представлены примеры с такими интродуктивными синтаксическими конструкциями:

*Bu yojlā joyan yojlā,
joyan yojlani kim bojla?*

‘Этот двор, огромный двор,
Огромный двор кто обойдет?’
[Тенишев 1984: 61].

Фольклорные тексты, попадающие в раздел «Поэзия», изобилуют сравнениями и метафорами:

*Eriqtiki laj sudāk
ketip barido jašliq!*

‘Подобно мутной воде в арыке
Утекает молодость!’
[Тенишев 1984: 21]

*Qizil gülni demisām,
gončisini üzgüm joq.
Sen jarimni demisām,
bu Xotändä tuřum joq!*

‘Если бы не красная роза,
То не хочу срывать ее бутон.
Если бы не ты, моя милая,
То не хочу жить в этом Хотане!’
[Тенишев 1984: 82]

Последний типизированный фрагмент, содержащий параллельное описание отношения лирического героя к бутону розы и возлюбленной, часто варьируется в плане указания на место проживания (как правило, это наименование населенного пункта) адресата, к которому непосредственно обращено содержание самого фрагмента:

*Qizil gülni demisem,
Yunčisini üzgüm yoq.
Sen, yarimni denisem,
Bu koçaŋya kelgüm yoq.*

‘Если бы не красная роза,
То не хочу срывать ее бутон.
Если бы не ты, моя милая,
То не хочу приходить на эту улицу’.

Касаясь смешения «элементов книжно-письменного языка с диалектной речью» в уйгурских фольклорных текстах, мы склонны отмечать некую консервативность и типизированность текстовых фрагментов. Но, с другой стороны, наблюдения над синтаксисом позволяют сделать выводы о наличии изменений и динамизма. Так, например, в кумульских текстах, которые были записаны С.Е. Маловым в начале XX столетия, бросается в глаза употребление интересных вопросительно-местоименных глагольных конструкций типа *nemne qylıyılı* ‘зачем’ вместо субстантивных падежно-последложных сочетаний в литературном языке типа *немә үчүн* ‘зачем’ [Абдуллаев 1990: 26–32]. В кумульских текстах Э.Р. Тенишева такой активности в употреблении местоименно-глагольных конструкций мы уже не наблюдаем. Следовательно, синтаксические конструкции в фольклорных текстах, с одной стороны, склонны к консерватизму, типизации в качестве устойчивых единиц. В то же время им свойственен некоторый динамизм и изменения в плане активности при употреблении частотных конструкций.

Выводы

По материалам «Уйгурских текстов» Э.Р. Тенишева можно заключить, что концепт «*муһаббат*» («любовь») является центральным в фольклорно-языковой картине мира. Несмотря на то что синтаксические способы вербализации концептов принято относить к периферии системы таких средств, в контексте по-

ставленной Э.Р. Тенишевым проблемы межстилевой контаминации в уйгурских фольклорных текстах они приобретают достаточную актуальность. Консервативность синтаксического уровня обуславливает сохранение своеобразия синтаксических единиц в сравнении с литературным языком. Вместе с тем в фольклорных текстах выделяются особые типизированные устойчивые фрагменты, ярко и колоритно передающие образный компонент концепта «муһаббэт» («любовь»). Будучи регулярно воспроизводимыми, такие текстовые блоки объясняют феномен межстилевой контаминации диалектных черт с нормами книжно-литературного языка. Эту их особенность еще дополняют, с одной стороны, гипермодальная нагрузка базовых концептов в уйгурской лингвокультуре, подчеркивающая художественную образность текстов, и корреляция фольклорных текстов с литературными памятниками, с другой.

Литература

- Абдуллаев 1982 – *Абдуллаев С.Н.* Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). – Новосибирск, 1982. – С. 96–109. {*S.N. Abdullayev. The participle of a non-finished action in the role of a dependent predicate // Structural and functional types of complex sentences (based on the material of the languages of the peoples of Siberia). – Novosibirsk, 1982. – PP. 96–109.*}
- Абдуллаев 1990 – *Абдуллаев С.Н.* Вопросительно-местоименные конструкции в хамийских текстах С.Е. Малова // Маловские чтения. – Алма-Ата: Наука, 1990. – С. 26–32. {*S.N. Abdullayev. Interrogative-pronominal constructions in Hamiy texts of S.Ye. Malov // Malov readings. – Alma-Ata: Nauka, 1990. – PP. 26–32.*}
- Абдуллаев 2020 – *Абдуллаев С.Н.* Гипермодальная нагрузка концепта *муң* в уйгурской лингвокультуре // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 1 (30). – С. 62–70. {*S.N. Abdullayev. Hypermodal significance of the concept of muñ in Uyghur linguoculture // North-Eastern Humanitarian Bulletin. – 2020. – No. 1 (30). – PP. 62–70.*}
- Абдуллаева 2015 – *Абдуллаева Г.С.* Двенадцать уйгурских мукамов в контексте взаимодействия культур и народов в современном мире // Вестник Ошского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 72–76. {*G. S. Abdullayeva. Twelve Uyghur muqams in the context of interaction of cultures and peoples in the modern world // Bulletin of Osh State University. – 2015. – No. 2. – PP. 72–76.*}
- Акматов 2019 – *Акматов Н.Р., Абдуллаев С.Н., Мушаев В.Н.* Лингвистическая рецепция топонимов Центральноазиатской геолокации (тюрко-монгольский ареал) // *Oriental Studies*. – 2019. – Т. 12. – № 5 (45). – С. 945–956. {*N.R. Akmatov, S.N. Abdullayev, V.N. Mushayev. Linguistic reception of toponyms of Central Asian geolocation: (Turko-Mongolic area) // Oriental Studies. – 2019. – Vol. 12. – No. 5 (45). – PP. 945–956.*}
- Елизарова 2010 – *Елизарова Г.С.* Фольклорная картина мира как часть национальной картины мира // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований: сб. науч. тр. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т.; науч. ред. Т.А. Знаменская. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2010. – С. 51–58. {*G.S. Yelizarova. Folklore picture of the world as part of the national picture of the world // Philology, linguistics, didactics: theory and methodology of research: collection of scientific tr. / Russian State prof. - ped. Univ.; scientific ed. by T.A. Znamenskaya. – Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University, 2010. – PP. 51–58.*}
- Малов 1954 – *Малов С.Е.* Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 204 с. {*S.Ye. Malov. The Uyghur language. The Hamian dialect. Texts, translations, dictionary. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. – 204 p.*}
- Малов 1956 – *Малов С.Е.* Лобнорский язык: тексты, переводы, словарь. – Фрунзе, 1956. – 198 с. {*S.Ye. Malov. The Lobnur language: texts, translations, dictionary. – Frunze, 1956. – 198 p.*}

- Малов 1961 – *Малов С.Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы. Словарь. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. –184 с. {*S.Ye. Malov.* Uyghur dialects of Xinjiang. Texts, translations, dictionary. – Moscow: Publishing house of the Oriental Literature, 1961. – 184 p.}
- Малов 1967 – *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. – М.: Наука, 1967. – 220 с. {*S.Ye. Malov.* The language of the Yellow Uighurs. Texts and translations. – Moscow: Nauka, 1967. – 220 p.}
- Наджип 1968 – *Наджип Э.Н.* Уйгурско-русский словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 828 с. {*E.N. Najip.* Uyghur-Russian dictionary. – Moscow: Soviet encyclopaedia, 1968. – 828 p.}
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. – Санкт-Петербург: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. – 235 с. {*B.N. Putilov.* Folklore and Folk culture. – Saint-Petersburg: Nauka, publishing company, 1994. – 235 p.}
- Сибгаева 2009 – *Сибгаева Ф.Р.* Лингвокультурный концепт «*mähäbbät*» («любовь») в татарской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 23 с. {*F.R. Sibgaeva.* Linguistic and cultural concept «*mähäbbät*» («love») in the world picture of the Tatar language: Ph.D. diss. abstract. – Kazan, 2009. – 23 p.}
- Строй 1989 – *Строй уйгурского языка.* – Алма-Ата: Наука, 1989. – 470 с. {Structure of the Uyghur language. – Alma-Ata: Nauka, 1989. – 470 p.}
- Тенишев 1984 – *Тенишев Э.Р.* Уйгурские тексты. – М.: Наука, 1984. – 174 с. {*E.R. Tenishev.* Uyghur texts. – Moscow: Nauka, 1984. –174 p.}
- Черванева 2003 – *Черванева В.А.* Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира: Количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средствами русской волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 348 с. {*V.A. Chervaneva.* Quantitative aspect of the folklore-language picture of the world: Quantitative characteristics of the concepts of space and time in their objectification by verbal means of the Russian fairy tale: Ph.D. diss. – Voronezh, 2003. – 348 p.}
- Abdullaev 2020 – *Abdullayev S.* Correlation of the texts of Ancient Turks with modern folklore: «Kutadgu Bilig» and «Nur Dastani» // Ancient texts and languages of ethnic groups along the Silk road. – Göttingen: University of Göttingen Press, 2020. – PP. 13–25.
- Алыева 2013 – *Алыева М.* Lobnor ağzi. – Ankara, 2013. – 491 s. {*M. Alyeva.* The Lobnor dialect. – Ankara, 2013. – 491 p.}
- Боқиев 1978 – *Боқиев О.* Уйғур халқ лирик шеърляти. – Тошкент: «Фан» нашрияти, 1978. – 191 б. {*A. Boqiyev.* Uighur folk lyric poetry. – Tashkent: «Fan» («Science») publishing house, 1978. – 191 p.}
- Босақов 1986 – *Босақов Ж.* Көч-көч. – Алмута: Жазушы, 1986. – 256 б. {*Zh. Bosaqov.* Көч-көч. – Alma-Ata: Zhazushy, 1986. – 256 p.}
- Назирки 1966 – *Назирки заман уйғур тили. II қисим. Морфология вэ синтаксис.* – Алмута: Наука, 1966. {Modern Uyghur language. Part 2. Morphology and syntax. – Alma-Ata: Nauka, 1966.}
- Jarring 1975 – *G. Jarring.* Gustaf Raquette and Qasim Akhun's Letters to Kamil Efendi. Ethnological and Folkloristic Jarring Materials from Southern Sinkiang Edited and Translated with Explanatory Notes. – Lund, 1975.

Syntactic ways of verbalization of the concept «*muhäbbät*» («love») in the Uyghur texts of E.R. Tenishev: stable structures and interstitial contamination

S.N. Abdullayev

Karakol

Summary: The article deals with the syntactic features of folklore texts based on the data of Uyghur dialects recorded and published by E.R. Tenishev. They are interpreted as one of the ways of expressing the concept of «*muhäbbät*» («love»). The author describes the cases of the uniqueness of syntactic constructions in comparison with the literary language. The article notes

the relevance of typified text fragments in the context of the contamination of dialect features with the written language.

Key words: E.R. Tenishev, Uyghur (Uighur) dialects, folklore texts, concept, syntactic, contamination of styles.

Saifulla Nurmukhamedovich Abdullayev – Ph.D. in philology, professor, head of «Renaissance» Scientific and Educational Ethnocultural Center, Issyk-Kul State University, e-mail: sayfulla.abdullayev@list.ru.